

Сказка Астрид Линдгрэн

" Мио, мой Мио! "

Вот скачет он Дремучим Лесом...

Когда я еще жил у дяди Сикстена и тети Эдлы, я частенько брал в библиотеке сказки. Но тетя Эдла терпеть этого не могла.

– Опять уткнулся носом в книгу! – ворчала она. – Вот потому ты такой заморыш, такой бледный и несчастный, что не бываешь на воздухе, как другие дети!

Я – то бывал на воздухе – почти все время торчал на улице. Но тете Эдле и дяде Сикстену, верно, больше всего хотелось, чтоб я вовсе не возвращался домой. Теперь они небось рады: ведь я никогда не вернусь к ним.

Читать я мог только по вечерам, да и то урывками, и бледный был вовсе не поэтому. Посмотрела бы тетя Эдла, как я окреп и вырос, каким стал смуглым и здоровым.

Окажись я на Упландсгатан, я бы мог запросто вздуть Янне одной рукой, но я все равно не стал бы этого делать – просто не хочу.

Интересно, что сказала бы тетя Эдла, если б услышала про колодец, который нашептывает по вечерам сказки, если б узнала, что вовсе незачем сидеть на одном месте, уткнувшись носом в книги, а можно прямо на свежем воздухе слушать сколько хочешь сказок. Может, это понравилось бы даже тете Эдле, хотя она, по правде сказать, никогда не бывает довольна.

"Жил-был королевич. Однажды в лунную ночь оседлал он коня и отправился странствовать. Вот скачет он Дремучим Лесом..."

Так нашептывал колодец, и я не мог забыть его слов. Казалось, колодец рассказал эту сказку неспроста. Вдруг я и есть тот самый королевич, который скакал Дремучим Лесом и которому снова предстоит совершить этот путь?

Я спросил отца, не знает ли он, где Дремучий Лес. Конечно, он знал.

– Дремучий Лес в Стране Загорной, – сказал он. И до чего ж печально звучал его голос. – Зачем он тебе, Мио, мой Мио?

– Хочу побывать там нынче ночью, как взойдет луна, – отвечал я.

Мой отец, пораженный, взглянул на меня.

– Вот как! Уже нынче? – сказал он, и голос его зазвучал еще печальней.

– Может, ты против? – спросил я. – Может, ты будешь беспокоиться, если я уйду из дома и поскочу ночью в Дремучий Лес?

Отец покачал головой.

– Нет, – ответил он, – лес, мирно спящий при свете луны, никому не причинит зла.

Потом отец замолчал и сел, обхватив голову руками, – видно было, что он погрузился в раздумье. Обняв его за плечи, я сказал:

– Хочешь, я останусь дома, с тобой?

Он долго смотрел на меня; глаза его были печальны.

– Нет, Мио, мой Мио! Ты не останешься. Луна уже взошла, и Дремучий Лес ждет тебя.

– А ты и вправду ничуть не горюешь? – спросил я.

– Вправду, – ответил он, погладив меня по голове.

Тогда я побежал спросить Юм-Юма, не поедет ли он со мной в Дремучий Лес. Но отец тотчас окликнул меня:

– Мио, мой Мио!

Я обернулся: отец протягивал ко мне руки. Я бросился к нему и очутился в его объятиях. Мы долго стояли, крепко-крепко обнявшись, а потом я сказал:

– Ведь я скоро вернусь!

– Возвращайся быстрее, – чуть слышно прошептал отец.

Юм-Юма я отыскал у домика садовника и рассказал ему, что собираюсь в Дремучий Лес.

– Вот как! Наконец-то! – воскликнул Юм-Юм.

Как все непонятно! Когда я сказал, что собираюсь в Дремучий Лес, отец изумился: "Вот как! Уже нынче?", а Юм-Юм: "Вот как! Наконец-то!" Но я не стал ломать себе голову над этим.

– Поедешь со мной? – спросил я Юм-Юма.

Юм-Юм глубоко вздохнул.

– Да! – ответил он. – Да! Да!

Мы пошли за Мирамис, которая паслась в саду среди кустов роз, и я сказал, что ей придется везти нас в Дремучий Лес.

Тут Мирамис заплясала, будто слышала очень приятную весть. Только мы с Юм-Юмом взобрались к ней на спину, как Мирамис вихрем помчалась вперед. Когда мы выезжали из сада, мне послышался голос отца.

– Мио, мой Мио! – звал он, и печальнее голоса мне слышать не доводилось. Но свернуть с пути я не мог. Не мог.

Страна Загорная была за тридевять земель. Пешком, и без такой лошади, как Мирамис, нам бы туда ни за что не попасть. Нам бы ни за что не перелезть через высокие горные хребты, достигающие чуть не до небес. Но Мирамис, точно птица, парила над вершинами гор. Я велел ей опуститься на самую высокую из вершин, покрытую вечными снегами. Сидя на лошади верхом, мы разглядывали страну, ожидавшую нас у подножия гор.

Там, освещенный луной, виднелся Дремучий Лес. Он был так красив и, казалось, не таил никакой опасности. Видно, и в самом деле лес, мирно спящий при свете луны, никому не причинит зла.

Да, правду говорил мой отец: не только люди добры в этой стране. Леса и луга, ручьи и зеленые рощи приветливо встречали человека, ночь была так же ласкова, как и день, луна светила таким же мягким светом, как и солнце, а темнота в лесу – такой же, как и обычная темнота. Так что бояться было нечего! Только одного, одного-единственного надо было бояться!

Вдали за Дремучим Лесом я увидел страну, погруженную во мрак, страшный, беспросветный мрак. Посмотришь на него и содрогнешься.

– Что за ужасная страна! – сказал я Юм-Юму.

– Там начинается Страна Чужедальняя, – ответил Юм-Юм. – Эти земли граничат с ней.

– Страна рыцаря Като! – воскликнул я.

Тут Мирамис задрожала всем телом, а огромная каменная глыба откололась от горы и, страшно грохоча, покатила вниз в долину.

Да, только одного рыцаря Като надо было бояться! Очень бояться! Но мне не хотелось больше думать о нем.

– В Дремучий Лес, – сказал я Юм-Юму. – В Дремучий Лес – вот куда я хочу!

Тут Мирамис заржала, и высоко в горах гулко отозвалось эхо. Медленно поплыла Мирамис по воздуху вниз, к освещенному луной лесу, который рос у подножия гор. А из леса донеслись ответные звуки, будто сотня лошадей заржала в ночи.

Мы опускались все ниже и ниже, покуда копыта Мирамис не коснулись верхушек деревьев... Нежно-нежно. Мы продолжали опускаться меж зеленых ветвей. И вот мы в Дремучем Лесу.

На своем веку я повидал не так уж много лесов, но, сдаётся мне, вряд ли найдется на свете хоть один, похожий на этот. Дремучий Лес хранил тайну. Великая, удивительная тайна скрывалась в нем – я это чувствовал. Но, видно, луна набросила на нее свой покров, и я ничего не мог разгадать. Шелестели деревья, они нашептывали про эту тайну, но я ничего не мог понять. Деревья мерцали при свете луны, они знали эту тайну, а я ничего не знал.

Вдруг мы услышали отдаленный топот копыт. Словно сотня лошадей неслась во весь опор в ночи, а когда Мирамис заржала, словно сотня лошадей заржала ей в ответ. Все ближе и ближе топот копыт, все неистовей дикое ржание. Не успели мы опомниться, как на нас налетела лавиной сотня белоснежных лошадей с развевающимися гривами. Мирамис оказалась в середине табуна, и лошади понеслись вскачь по лесной прогалине. Юм-Юм и я соскочили на землю и, стоя под деревом, смотрели, как белоснежные лошади с Мирамис впереди в диком неистовстве носятся при свете луны взад и вперед.

– Смотри, как они радуются! – сказал Юм-Юм.

– Чему они радуются? – спросил я.

– Тому, что Мирамис вернулась домой, – ответил Юм-Юм. – Разве, ты не знаешь, что Мирамис родом из Дремучего Леса?

– Нет, не знаю, – сказал я.

– Ты так мало знаешь, Мио! – сказал Юм-Юм.

– Как же Мирамис попала ко мне? – спросил я.

– Твой отец послал в Дремучий Лес гонца с наказом: одна из белых лошадей, его подданных, должна отправиться на Остров Зеленых Лугов и стать твоей лошадей.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Я смотрел на Мирамис, которая носилась во всю прыть при свете луны, и радовался. Но вдруг почувствовал беспокойство.

– Как ты думаешь, Юм-Юм, Мирамис не сердится, что ей пришлось стать моей лошадкой? – спросил я. – Может, она тоскует по Дремучему Лесу?

Только я произнес эти слова, как Мирамис подбежала ко мне. Она положила голову мне на плечо и тихонько заржала.

– Видишь, ей нравится с тобой, – сказал Юм-Юм.

Я был счастлив. Потрепав Мирамис по холке, я протянул ей кусок сахара, и она, мягко ткнувшись носом в руку, взяла у меня сахар.

Мы поехали дальше, все лесом и лесом, а сотня белоснежных лошадей скакала за нами следом.

В воздухе носилась тайна. Весь лес знал эту тайну, ее знало каждое дерево, липы и осины тихо шелестели, нашептывая о ней, когда мы проезжали мимо. Белоснежные лошади знали ее.

Все, кроме меня, знали эту тайну! Юм-Юм был прав, говоря: "Ты так мало знаешь, Мио!" Я пустил Мирамис вскачь. Мы мчались вихрем. Мой красный плащ зацепился за ветку дерева. Может, дерево хотело остановить меня; может, оно хотело поведать мне тайну? Но я так спешил. Я поскакал дальше, а в плаще моем зияла прореха.

Вдруг посреди леса мы увидели белоснежный сказочный домик с соломенной крышей. Вокруг цвели яблони. В свете луны они отливали молочной белизной. Окошко домика было открыто, и оттуда доносился какой-то мерный стук. Казалось, там кто-то ткал.

– Поглядим, что там, – сказал я Юм-Юму.

– Давай поглядим! – ответил Юм-Юм.

Соскочив с Мирамис, мы направились по тропинке меж яблонь к дому. Я взялся за ручку двери, и стук прекратился.

– Войдите, милые мальчики! – сказал кто-то. – Я так давно вас жду.

Мы вошли в дом. Там за ткацким станком сидела женщина. Она ласково кивнула нам.

– Почему ты ночью не спишь, а работаешь? – спросил я.

– Я тку чудодейное полотно. А делать это можно только ночью.

Луч луны проник в окошко и осветил ткань. Как красиво она переливалась! Краше ткани я в жизни не видел.

– Волшебную ткань, чудодейное полотно ткут всегда ночью, – повторила женщина.

– А из чего ее ткут, такую красивую? – спросил я.

Женщина не ответила и снова принялась ткать, тихо напевая под стук станка:

Месяца бледного луч серебряный,
Месяца бледного луч, сердца алая кровь,
Алая кровь и серебряный луч,
Яблони белый цвет, яблони белый цвет
Нежный рождает шелк,
Нежнее, чем ветер ночной
И ласковый шелест травы.

А над лесом птица Горюн поет, вещая черное горе.

Ткачиха пела тихо и монотонно. Только она смолкла, как в лесу раздалась другая песня, которую я тотчас узнал. Правду сказала ткачиха: над лесом пела птица Горюн, вещая горе. Сидя на самой макушке дерева, она пела так, что тоска сжимала сердце.

– Почему так поет птица Горюн? – спросил я ткачиху.

Женщина заплакала, слезы ее скатывались на полотно, оборачиваясь маленькими прозрачными жемчужинами, и ткань становилась краше прежнего.

– Почему так поет птица Горюн? – снова спросил я.

– Она поет о моей маленькой дочке, – ответила ткачиха и горько зарыдала. – Она поет о моей маленькой дочке, которую похитил разбойник.

– Какой же разбойник похитил твою маленькую дочку? – спросил я, хотя уже понял, о ком идет речь и кто этот разбойник. – Не надо, не упоминай его имени, – добавил я немного погодя.

– Не буду, – ответила ткачиха, – не то угаснет свет луны, а белоснежные лошади заплачут кровавыми слезами.

– Почему они заплачут кровавыми слезами? – спросил я.

– Им жаль своих маленьких жеребят, которых тоже похитил разбойник, – сказала ткачиха. – Слушай, как поет над лесом птица Горюн.

Я стоял посреди комнаты и слушал, как на воле поет птица Горюн. Вечерами она часто пела мне в отцовском саду, но тогда я не понимал, о чем она поет. Теперь я знал: она пела о маленькой дочке ткачихи, о братьях нашего друга Нонно, о сестренке мальчика Йри и еще о многих-многих других, кого схватил и увез в свой замок злой рыцарь Като.

Вот почему горевали люди в маленьких домиках на Острове Зеленых Лугов, в Стране Заморской, по ту сторону фьорда и в Стране Загорной. Они горевали о детях, своих детях. Даже лошадям в Дремучем Лесу было о ком горевать, и они плакали кровавыми слезами, когда слышали имя разбойника.

Рыцарь Като! Как я боялся его! Как боялся! Но, стоя здесь, в этой комнате, и слушая песню птицы Горюн, я вдруг понял, зачем скакал Дремучим Лесом нынче ночью. За Дремучим Лесом начинались земли Страны Чужедальной. Туда-то мне и надо. Туда-то мне и надо, чтобы сразиться с рыцарем Като, хотя я так боялся его, так боялся! Глаза мои наполнялись слезами, лишь только я представлял, что меня ждет.

Женщина снова принялась ткать. Не обращая внимания ни на Юм-Юма, ни на меня, она вполголоса напевала под стук станка все ту же монотонную песню:

Месяца бледного луч,
Месяца бледного луч, сердца алая кровь...

– Юм-Юм, – сказал я. И голос мой как-то странно. – Юм-Юм, я отправляюсь Чужедальнюю.

– Знаю, – ответил Юм-Юм. Ну и удивился же я!

– Как ты узнал? – спросил я.

– Ты так мало знаешь, Мио! – сказал Юм-Юм.

– А ты, ты знаешь, верно, все? – спросил я.

– Да, знаю, – ответил Юм-Юм. – Я уже давно знаю, что тебе предназначено отправиться в Страну Чужедальнюю. Все это знают.

– Все это знают?

– Да, – сказал Юм-Юм. – Птица Горюн знает. Ткачиха знает. Белоснежные лошади знают. Весь Дремучий Лес знает: деревья шепчут про это, и травы, и цветущие яблони – все это знают.

– Да ну! – удивился я.

– Каждый пастух на Острове Зеленых Лугов знает, и по ночам его флейта поет об этом. Нонно знает. Его бабушка знает, Йри с братьями и сестрами тоже знают. Колодец, который нашептывает по вечерам сказки, тоже знает. Говорю тебе, все это знают.

– А мой отец?.. – прошептал я.

– Твой отец всегда знал, – сказал Юм-Юм.

– И он хочет, чтоб я отправился туда? – спросил я, не в силах сдержать легкую дрожь в голосе.

– Да, хочет! – ответил Юм-Юм. – Он страдает, но хочет, чтоб ты отправился туда.

– Но я так боюсь! – признался я, плача. Только сейчас я по-настоящему понял, как боюсь. – Юм-Юм, я не отважусь на это, – сказал я, обнимая своего друга. – Почему мой отец-король хочет, чтоб именно я совершил этот подвиг?

– Мальчик королевского рода – единственный, кому суждено свершить этот подвиг.

– А если я погибну? – спросил я, крепко ухватившись за руку Юм-Юма. Он не ответил.

– И мой отец хочет, чтоб я все равно отправился туда?

Женщина перестала ткать – в комнате стало тихо. Смолкла птица Горюн. Замерли листья на деревьях, не слышно было ни малейшего шелеста. Стояла мертвая тишина.

Юм-Юм кивнул и едва слышно сказал:

– Да, твой отец все равно хочет, чтоб ты отправился туда.

– Я не отважусь на это! – закричал я. – Не отважусь! Не отважусь!

Юм-Юм молчал. Он только смотрел на меня, не произнося ни слова. Снова запела птица Горюн, и от ее песни сердце замерло у меня в груди.

– Она поет о моей маленькой дочке, – сказала ткачиха, и слезы ее жемчужинками покатались по полотну. Я сжал кулаки.

– Юм-Юм! – сказал я. – Я еду в Страну Чужедальнюю!

При этих словах за окном пронесся ветер. Дремучий Лес зашумел, а птица Горюн залилась песней, такой звонкой, какой не слышал еще ни один лес в мире.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Я знал это! – сказал Юм-Юм.

– Прощай, Юм-Юм! – сказал я, чувствуя, что вот-вот зареву. – Прощай, дорогой Юм-Юм.

Юм-Юм посмотрел на меня, посмотрел почему-то глазами Бенки и, улыбнувшись, сказал:

– Я пойду с тобой!

Вот это друг! Юм-Юм – настоящий друг. Я так обрадовался, когда он сказал, что пойдет со мной! Но я не хотел подвергать его жизнь опасности.

– Нет, Юм-Юм! – сказал я. – Ты не пойдешь со мной, ты не можешь идти со мной!

– Нет пойду! – возразил Юм-Юм. – "Мальчик королевского рода, верхом на белоснежной лошади, в сопровождении единственного друга" – так было предсказано. И не тебе менять то, что было предначертано много-много тысяч лет назад.

– Много-много тысяч лет назад, – повторила ткачиха. – Помнится, ветры пели про это в тот самый вечер, когда я сажала свои яблони, а было это давным-давно. Много-много тысяч лет назад. Подойди ко мне, Мио! – позвала она. – Я залатаю твой плащ.

Взяв чудодейную ткань, она отрезала лоскуток и залатала прореху в моем плаще. Но это еще не все. Она подбила мой плащ сверкающей тканью и набросила его мне на плечи.

– Мое лучшее полотно я отдаю тому, кто спасет мою маленькую дочку, – сказала ткачиха. – А еще ты получишь хлеб, хлеб насущный. Береги его! Ты еще узнаешь голод!

Она дала мне хлеб, и я поблагодарил ее. Потом, обернувшись к Юм-Юму, спросил:

– Готовы мы в путь?

– Да, готовы! – ответил Юм-Юм. Выйдя из домика, мы пошли по тропинке меж яблонь. Только мы уселись верхом на Мирамис, как птица Горюн расправила свои черные крылья и взмыла к горным вершинам.

Сотня белоснежных лошадей глядела нам вслед, когда мы скакали меж деревьев. Они нас не провожали. Цветущие яблони белели, как снег, при свете луны. Они белели, как снег... Может, я никогда больше не увижу таких прекрасных яблонь в белом цвету...

[Назад](#) << >> [Дальше](#)